

Михаил ЮРАСОВ

А.И. ДОБРЯНСКИЙ КАК ИСТОРИК

Адольф Иванович Добрянский-Сачуров (1817-1901) происходил из семьи сельского священника, получил философское и юридическое образование, а также прослушал полный курс лекций Горной и лесной академии. Он прославился как публицист и политик, отстаивавший на всех постах, которые ему пришлось занимать, коренные интересы русинского меньшинства, проживавшего в империи Габсбургов¹. Будучи сыном своего времени, Добрянский как политик, принадлежавший к одной из этнических общностей сначала Австрийской монархии, а затем так называемой Транслейтании

(венгерской части Австро-Венгрии), не мог не обратиться к истории для обоснования прав русинской народности на национальную автономию.

В ходе революции 1848–1849 гг., имевшей в «лоскутной монархии» Габсбургов не один, а несколько очагов, был поставлен и вопрос о национальном размежевании русинов и поляков в Галиции². Если семь восточных и северо-восточных комитатов венгерской части Австрийской империи признавались территорией с преимущественно русинским населением, то русские, проживавшие в Галиции, вошедшей в состав империи Габсбургов по Первому разделу Речи Посполитой (1772), проживали на землях, которые считались польскими. Там господствовал польский язык, а потомки восточных славян подвергались насильственной полонизации.

Уже летом 1848 г. Главная русская рада, созданная в мае того же года как политический орган галицких русинов, обратилась к императору Фердинанду I (1835–1848) с требованием выделить

Восточную Галицию вместе с Северной Буковиной в отдельную провинцию. В январе 1849 г. делегация русинов Закарпатья во главе с А.И.Добрянским вручила новому австрийскому императору Францу-Иосифу I (1848-1916) петицию об объединении Восточной Галиции и Закарпатья. Это предложение также было поддержано Головной русской радой, однако австрийское правительство не обращало внимания на такого рода предложения.

Помимо подачи петиций и обращений к австрийскому правительству лидеры русинского движения Галиции занимались и активной пропагандистской работой. Так, самый известный западнорусский историк того времени Денис Иванович Зубрицкий (1777–1862) издал в 1849 г. на польском и немецком языке брошюру под названием «Границы между русским и польским народом в Галиции»³. В этом сочинении он утверждал, что Краков располагается на земле, где в древности жили восточные славяне (русы).

Так, из-за противостояния двух этнических групп, считавших бывшую Юго-Западную Русь своей исторической территорией, встал вопрос о том, является ли Галиция исконно польской землей, на которую впоследствии распространилась власть киевских князей, как это трактовали авторы средневековых польских исторических сочинений, или же здесь издревле жили восточные славяне, попавшие в конце X в. под власть киевских князей. Общеизвестно стремление Галла Анонима (первая треть XII в.), Винцентия Кадлубка (умер в 1223 г.), создателей Великопольской хроники (начало XIV в.), не говоря уже о Яне Длугоше (умер в 1480 г.), приукрасить историю взаимоотношений Руси и Польши в духе прославления деяний Болеслава I Храброго и его преемников, представить соседившие с Польшей русские земли чуть ли не польскими ленами.

Древнерусские летописцы на этом фоне выглядят более правдивыми историописателями, однако некоторые свидетельства «Повести временных лет» (ПВЛ) можно понимать двояко, в зависимости от ракурса, в котором они рассматриваются (например, вопрос о принадлежности т. н. Червенских городов). Так, статья под 6489 (981) г. начинается фразой: «Иде Володимерь к ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червень (*курсив мой.* – М. Ю.), иже суть и до сего дне подъ Русью»⁴. Казалось бы, эти летописные известия прямо указывают на исконную принадлежность, по крайней мере, Западной Галиции к ареалу расселения древних поляков. Однако в этнографическом введении к ПВЛ сказано о том, что хорваты, которые как раз и населяли спорную территорию между Русью и Польшей, были частью восточнославянского этноса⁵.

Историки до сих не могут дать исчерпывающего ответа на вопрос о том, входили ли упоминаемые ПВЛ хорваты в число подвластных

киевским князьям этнических групп. Что же касается белых хорватов, то они, как полагает большинство исследователей, скорее всего проживали на территории современной Чехии⁶. Таким образом, в дискуссии о том, где проходила в древности этническая граница между западными и восточными славянами в Карпатском регионе, следовало найти другие источники, помимо сочинений польских хронистов и русских летописцев.

Таким путем и пошел А.И. Добрянский. Хотя он не был профессиональным историком, ему удалось написать достаточно интересную для своего времени работу под названием «О западных границах Подкарпатской Руси, со времен св. Владимира», опубликованную в 1880 г. в российском «Журнале Министерства народного просвещения»⁷, предоставлявшем свои страницы, как правило, для публикации серьезных в научном отношении трудов. Главным ее достоинством как раз и является привлечение новых источников, прежде всего, не относящихся к нарративным.

Во вступлении к рассматриваемой работе Добрянский так формулирует задачи своего исследования: «Начальная летопись не указывает черты, по которой граничила земля Русская с Польскою, Чешскою и Угорскою: летописец довольствовался исчислением русских племен: словен, полян, древлян, дреговичей, полочан, северян, кривичей, бужан, радимичей, вятичей, дулебов, улучей или угличей, тиверцев и белых хорватов, без точного определения их географических границ. Не удивительно, что и позднейшие русские историки не имели ясного понятия о древних границах Юго-Западной Руси: к тому же она разделилась на несколько частей, из коих Подкарпатская под гнетом угров и поляков не имела возможности разрабатывать свою старину и поддерживать старые предания. Русь же Восточная привыкла смотреть на области подкарпатские как на утраченное достояние русского племени, особенно со времени введения в них унии и утверждения господства польского и мадьярского. Между тем, для полноты понимания русской истории необходимы точные сведения о юго-западных границах древней Руси. Предлагаемая статья имеет целью разъяснить хоть некоторые стороны этого вопроса»⁸.

В этой статье Добрянский прежде всего обратил внимание на так называемый «*Dagome iudex*» – документ, составленный польским князем Мешко I (ок. 960–992) с целью передачи Польского государства под защиту Рима. Время составления акта датируется исследователями между 990 и 992 гг. Он сохранился в форме регеста в составе «Собрания канонов» (*Collectio canonum*), написанного бенедиктинским монахом Деусдедитом в 1085–1087 гг.⁹ Добрянский узнал об этом документе из работы В. А. Мацеёвского о начальной

истории Польши и Литвы¹⁰, откуда взял важную для него цитату из документа «*Dagome iudex*»: «...et fines Russiae usque in Cracoa...»¹¹ («...и границы Руси вплоть до Кракова...»). Поскольку Мешко I, отдавая свое княжество под покровительство Святого Престола, должен был точно очертить границы своих владений, из рассматриваемого источника можно сделать вывод о том, что Краков в то время был городом, пограничным с Русью. Саму же русско-польскую границу X в. Добрянский проводит по линии, «пролегавшей примерно от Бохни чрез Тымбарк к Новому Торгу, а далее по гребням Татер»¹².

Документом «*Dagome iudex*» Добрянский в обосновании своей концепции не ограничивается. Далее, в разделе I своей работы он приводит другие свидетельства из различных источников XIII–XVIII вв., в которых тем или иным образом констатируется принадлежность местностей или населенных пунктов, находящихся чуть восточнее Кракова, к исконно русской территории, позднее освоенной поляками¹³. К сожалению, все эти примеры приведены бессистемно и даже не по хронологическому принципу, но самое главное – не представлен их текстологический анализ и не определена степень их ценности в плане обоснования локализации русско-польской границы в конце X в. Ссылки на сочинения польских гуманистов XVI в. Мартина Кромера и Мачея Стрыйковского и тем более на грамоты, выданные австрийской императрицей Марией Терезией (1740–1780), и написанные в ее эпоху работы немецких историков и публицистов, призванные обосновать законность участия Австрии в начавшихся разделах Речи Посполитой, никак не подкрепляют аргументацию Добрянского, поскольку не являются непосредственными свидетельствами изучаемой им эпохи.

«Самым убедительным доказательством распространения Древней Руси до самого Кракова», по мнению Добрянского, «служит то, что и теперь русское население начинается в Галичине от самого Дунайца под Татрами, в близком расстоянии от Кракова, где находятся русские селения...». Далее приводятся названия нескольких десятков русских деревень, после чего следует обобщение статистического характера: «Вообще, между реками Дунайцем и Вислоком находится 172 русских селения, с 129 русскими церквями и свыше 90 000 русских жителей. Ужели все это русские колонисты на польской этнографической области? История ничего не знает о подобной колонизации»¹⁴. Столь решительное заявление Добрянского, хотя и выглядит вполне логичным, всё же не является достаточно убедительным: за девять веков, отделявших его время от эпохи св. Владимира, нельзя исключать того, что земли к западу от Галиции могли быть постепенно колонизованы русскими, и цифра в 90 тысяч жителей не представляется при этом нереальной.

От доказательства протяженности русских земель в древности до окрестностей Кракова Добрянский переходит к обоснованию другой своей гипотезы, согласно которой средневековый венгерский комитат Сепеш (польск. Спиш) некогда также был частью владений киевских князей. Здесь Добрянский также смешивает информацию источников различных эпох, не выясняя, откуда могли происходить свидетельства, почерпнутые из сочинений польских историков XVI–XVII вв., которые он пытается соотнести с известиями ранних русских летописей (прежде всего, Лаврентьевской). Исходной же точкой в логических рассуждениях Добрянского является взятое им из много-томных сочинений Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева утверждение о том, что упоминаемые ПВЛ белые хорваты были частью восточного славянства¹⁵.

После этого Добрянский пытается определить ареал их расселения: «Где жили в старину эти белые, или русские хорваты? Мы предполагаем, что они занимали средину Карпат или Бескидов, то есть от линии как северные, так и южные склоны этих гор, между Краковом и Остригоном (Strigonium, Gran¹⁶), на северо-западе до Тисы и Сама (Samusius, Samosch) в Угорщине и Семиградье и старой границе между Валахией и Молдавией на юго-востоке»¹⁷. Никаких конкретных оснований для такой локализации Добрянский, к сожалению, не приводит и возвращается далее к ранней истории Спиша.

Совершенно безосновательно Добрянский заявляет о том, что свидетельство ПВЛ о захвате поляками Червенских городов¹⁸ означает, что Болеслав I Храбрый «не мог не овладеть одновременно с тем и всею русскою областью между Перемышлем и Краковом, а следовательно, и Спишскою землею». Из этого Добрянский делает логический вывод о том, что «вся эта область была возвращена в 1031 г. великим князем Ярославом»¹⁹. Современный русинский историк И. Поп совершенно справедливо отмечает, что «киевские князья раннего периода, соответствующего упоминанию белых хорватов (конец IX–X в.), не могли иметь претензий на карпатские земли. Они их просто не интересовали по причине: а) своей отдаленности от днепровской «оси»; б) физической невозможности осуществлять свою политическую власть того периода, т.е. собирать дань в форме «полюдья», ибо собранное нельзя привезти за 800 км, к тому же по горным тропам и перевалам. Князья были правителями практичными, интерес свой сконцентрировали на установлении власти вдоль водного пути "из варяг в греки"»²⁰.

Рассматривая судьбу древнего Спиша, Добрянский спорит с не названными им венгерскими историками, утверждавшими, что их предки завладели Сепешем еще в эпоху «обретения родины» (ско-

рее всего, Добрянский имеет в виду названных им ниже венгерских историков и публицистов XVIII – первой половины XIX в. Ф. Шира, Й. Бенцура, Д. Корнидеса, Э. Холлока)²¹. При этом ученый приводит «версию Карамзина», который якобы датировал потерю Русью Спиша 1069 г.²² Однако в научных изданиях «Истории Государства Российского» не находится ни одного упоминания Спиша, а в описании похода польского князя Болеслава II Смелого (1058–1079) на Киев 1069 г. Н. М. Карамзин вообще не говорит о территориальных потерях Руси при возвращении престола Изяславу Ярославичу²³.

Отвергая обе «приведенные» им точки зрения, Добрянский считает, что Спиш перешел в руки венгерских королей в 1108 г. в качестве приданого, отданного за Юдиту – дочь Сбыславы Святополковны и Болеслава III Кривоустого (1102–1138), которая вышла замуж за венгерского королевича Стефана (будущего Иштвана II)²⁴. Основанием для такого рода построений служат сочинения польских историков XV–XVI вв. Яна Длугоша, Матвея Меховия и Мартина Кромера, хотя Добрянский, понимая, что названные авторы черпали информацию у хронистов более раннего времени, пытается привлечь и т. н. «Хронику Богухвала», которую теперь принято считать одним из вариантов Великопольской хроники. Однако как раз здесь в наибольшей степени и проявилось незнание Добрянским источниковедения польских средневековых латиноязычных сочинений.

В главе 27 Великопольской хроники действительно можно прочитать в описании браков Болеслава III и его потомства от каждой из его жен следующую фразу: «Этот Болеслав свою дочь от русской жены выдал замуж за короля венгров Коломана. Ему как приданое дал в пожизненное владение каштелянию спишскую»²⁵. К сожалению, Добрянский в своих логических построениях опирается главным образом на эти две фразы, которые, будучи вырванными из контекста, позволяют предположить, что речь здесь идет о принце Иштване – сыне Калмана Книжника (1095–1116). Хотя ученый дает пространную цитату из «хроники Богухвала», он совершенно не обращает внимания на то, что следующие фразы ясно показывают, что хронист приписал будущему Иштвану II (1116–1131) деяния принца Калмана, занимавшего галицкий стол в 1214–1219 гг.

После известия о передаче спишской каштелянии сыну венгерского короля Калмана Великопольская хроника сообщает следующее: «Коломана же совместно с венгерским королем назначил королем над галичанами и повелел его короновать. А при коронации король Болеслав из-за своей доверчивости был обманут хитрым венгерским королем: (отдал) каштелянию спишскую, а тот под видом приданого для его дочери отдал ему перемышльскую. Это коварство послужило

началом распрей между поляками и венграми, как это обнаружилось впоследствии...»²⁶.

Согласно догадкам Добрянского, Спиш первоначально был русским и вошел в состав Польши «в 1102 г. вследствие выхода княгини Сбыславы Святополковны за короля польского Болеслава», а затем был отдан венграм как приданое за Юдиту Болеславну²⁷. Однако уже один из современников Добрянского – И. А. Линниченко – справедливо указал ему на то, что нет никаких сведений о том, что в Древней Руси был распространен обычай отдавать область в качестве приданого за выдаваемую замуж княжну²⁸.

Для доказательства тезиса о том, что Спиш не был завоеван венграми и примкнувшими к ним этническими группами во время «обретения родины» на землях Карпатской котловины, Добрянский опирается на рыцарский роман венгерского Анонима – неизвестного нотарию Белы III, которого он совершенно справедливо упрекает в многочисленных «географических и исторических анахронизмах». Речь идет о самом раннем из дошедших до нас венгерском нарративном источнике – «Деяниях венгров» некоего «магистра П.»²⁹. Во времена Добрянского историки еще не пришли к единому мнению, нотарием какого Белы (III или IV) был магистр П. В XX в. было убедительно доказано, что автор рыцарского романа был нотарием Белы III (1172–1196), а сочинение свое он написал между 1190 и 1220 гг.³⁰ В 32-й главе этого сочинения действительно содержится свидетельство о том, что при верховном вожде Арпаде (умер ок. 907 г.), приведшем мадьяр в Среднее Подунавье, границы Венгерского союза племен простирались до Сепешского леса, но, судя по характеру повествования Анонима, сам Сепеш находился за пределами этой территории³¹. Однако это никоим образом не доказывает факт принадлежности этого гористого района к владениям киевских князей.

Тем не менее, Добрянский, опираясь на географические особенности региона, где в древности сходились пределы раннегосударственных образований чехов, поляков и восточных славян, утверждает, что «Спиш лежит восточнее Татр, начинаясь, собственно, там, где кончаются последние. Таким образом, Татры издавна составляли как этнографическую, так и государственную границу между Русью и Польшей, как они и теперь отделяют русский Спиш от польских воеводств Освенцимского и Заторского, но на востоке, со стороны земель русских, Спиш не имеет никакой резкой физической грани: Попрад соединяет его с русскими искони областями княжества Перемышльского»³².

Таким образом, географическое положение Спиша, отсутствие природных преград между ним и юго-западными окраинами Древ-

нерусского государства стали для Добрянского одним из главных аргументов при обосновании тезиса о принадлежности этого будущего комитата в эпоху св. Владимира к подвластным Киеву землям. Однако если взглянуть на карту средневековых венгерских комитатов, то обнаруживается, что Сепеш непосредственно не граничил с территорией Древней Руси. Чтобы попасть из него в Перемышль, нужно было пройти комитат Шарош и северную окраину комитата Земплен. Видимо, Добрянский считал, что все названные районы были в X в. единым территориальным массивом, простиравшимся за Сепешским лесом, но это никак не подтверждается источниками.

Значительно лучше удастся Добрянскому анализ документального материала, прежде всего, дипломов. Ко времени написания рассматриваемой работы уже существовало многотомное собрание средневековой венгерской дипломатики, изданное Дёрдем Фейером³³, а также отдельное собрание дипломов, касающихся комитата Сепеш, изданное К. Вагнером и дополненное Я. Бардоши³⁴, на которые ссылается Добрянский. Естественно, все свидетельства о Спише и сведения о том, что какие-либо земли, расположенные в северо-восточных комитатах средневековой Венгрии, могли относиться к владениям галицких князей, не остались без внимания Добрянского. При этом, однако, исследователь не придает значения тому, что приводимые им сведения о принадлежности Спиша галицким князьям, как правило, отражают временное владение и относятся к XIII в. и более позднему времени.

Более значимым с научной точки зрения является анализ Добрянским Эстергомского таможенного устава³⁵, подписанного венгерским королем Имре (1196–1204) в 1198 г. Существует также версия о том, что этот устав был подписан в 1288 г. Ласло IV Куном (1272–1290)³⁶. Анализируя этот документ, Добрянский сделал интересное наблюдение: «В этой, как и в некоторых других грамотах Спиш не называется комитатом, а землей Спишскою: очевидно, что по случаю позднего приобретения ее Угрией земля эта не была еще организована на подобие других частей государства»³⁷. Современные венгерские историки датируют образование комитата Сепеш самым концом XII в., а первое упоминание ишпана этого королевского замкового округа относится к 1216 г.³⁸

Ограниченность объема журнальной статьи не позволяет проанализировать все утверждения Добрянского, касающиеся рассматриваемых им проблем ранней истории Спиша/Сепеша. Остановлюсь лишь на наиболее принципиальных из них.

Для доказательства исконности проживания русских в этом районе Добрянский привлекает данные этнографии и лингвистики,

утверждая, что в диалекте современного ему населения комитата Сепеш явно присутствуют восточнославянские черты, отличающие его от более западных словацких диалектов³⁹. Другим аргументом Добрянского в защиту этого утверждения является признание им исконности христианства восточного обряда в Спише, т. е. принятие его жителями Христовой веры еще до объявления Венгрии государством, входящим в западнохристианский мир. «Православное население земли Спишской со времени крещения своего при Владимире Святом всегда принадлежало к митрополии Киевской, именно к епархии Самборско-Перемышльской: об этом свидетельствует древнее народное предание и древние антиминсы уцелевших в Спише русских церквей, освященные почти исключительно самборско-перемышльскими епископами или даже киевскими митрополитами...»⁴⁰. При этом, однако, Добрянский не приводит даже приблизительных датировок времени основания таких храмов.

Вряд ли надписи на антиминсах, которые удалось прочитать Добрянскому, подтверждают его тезис о том, что древнейшее население Спиша и соседних земель, населенных восточными славянами, приняло христианство во времена св. Владимира. Судя по дошедшим до нас известиям ранних русских летописей, процесс христианизации, направлявшийся из Киева на рубеже X–XI вв., не затронул земли по другую сторону Карпатских хребтов. Даже уникальное татищевское известие о том, что Владимир Святославич принял личное участие в крещении восточных славян, проживавших на Днестре («6500 (992). Ходи Владимир ко Днестру с двумя епископы, много людей, научая, крести»⁴¹), никак не подкрепляет рассматриваемый тезис Добрянского.

Приведенная цитата взята из первой редакции многотомного труда В.Н. Татищева, где он пытался собрать сведения всех доступных ему письменных памятников, воспроизводя их как можно ближе к языку оригинала. Скорее всего, здесь приведена выписка из не дошедшего до нас позднего источника, на что указывает ее язык, однако нет никакой уверенности в том, что сам этот источник был достоверен. К тому же сами по себе уникальные сведения, приводимые Татищевым в многотомной работе, вызывают большие сомнения у исследователей, не раз уличавших историка XVIII в. в «баснословии». Первым это сделал еще Н.М. Карамзин на страницах своей «Истории Государства Российского».

Можно еще долго на различных примерах разоблачать непрофессионализм Добрянского как историка, однако при этом следует иметь в виду, что во время написания им статьи «О западных границах Подкарпатской Руси, со времен св. Владимира» российское

летописание делало только первые шаги. К моменту выхода в свет этой работы в России был издан лишь один капитальный труд в данной отрасли знаний – книга К.Н. Бестужева-Рюмина «О составе русских летописей до конца XIV века» (СПб., 1868). Примерно такая же ситуация с изучением средневековой хронистики была в тогдашней венгерской и польской исторической науке.

Интересна дальнейшая судьба рассматриваемой работы Добрянского. Несмотря на недостаточно глубокий исследовательский уровень, ее общие выводы нашли признание среди российских медиевистов конца XIX – начала XX в., но в значительно большей степени – у специалистов по исторической географии Древней Руси. Так, автор наиболее обстоятельного исследования по внешнеполитической истории Венгрии второй трети XII в. К.Я. Грот (1853–1934), ссылаясь на Добрянского, заявляет о том, что русские издревле населяли не только те северо-восточные области так называемой Транслейтании, в которых они проживали в его время, «но и более западные, ныне мадьярские и словацкие комитаты...»⁴². Что же касается Н. П. Барсова и С.М. Середонина – наиболее авторитетных ученых в области исторической географии, то они при описании западных и юго-западных границ Древней Руси фактически развивают концепцию Добрянского⁴³.

Безусловно, в то время раздавались и критические мнения по поводу определения Добрянским западных границ Руси в X в. Так, М.С. Грушевский заявил о том, что в рассматриваемой статье нет ничего нового по сравнению с брошюрами Д.И. Зубрицкого, о которых говорилось ранее⁴⁴. А.Л. Петров подвергал сомнению все упоминания о русинах, проживавших в Карпатской котловине, относящиеся к периоду ранее XIII в.⁴⁵

Если же оценивать работу Добрянского как историка с точки зрения современного уровня развития исторической науки (оставляя в стороне господствующее среди московских медиевистов чисто снобистское утверждение о том, что русинов не было в Карпатской котловине ранее рубежа XII–XIII вв.), то, несмотря на крайнюю сомнительность отнесения Спиша/Сепеша к числу территорий, подвластных киевским князьям, следует признать с большой степенью вероятности принадлежность этого района к ареалу расселения предков современных русинов, сложившемуся еще до прихода венгров на Средний Дунай. В X–XI вв. он являлся частью т. н. Русской марки – области, находившейся на венгерско-польско-русском пограничье, которая признавала власть Арпадов, но долгое время не была освоена в административном отношении, сохраняя архаичную политическую организацию⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткую биографию А.И. Добрянского с перечислением важнейших его работ см.: *Аристов Ф.Ф.* Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси. М., 1928 [Репр.: 1995]. С. 36–40; *Поп Иван.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. 2-е изд. Ужгород, 2006. С. 171–172.

2. Подробнее об этом см.: *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. 2-е изд. М., 2007. С. 30–31.

3. *Zubrzycki D.* Granice między Ruskim i Polskim narodem w Galicyi. We Lwowie: W drukarni Instytutu Stawropigiańskiego. 1849; *Idem.* Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation in Galizien. Lemberg, 1849.

4. Повесть временных лет. Подг. текста, пер., статьи и комм. Д.С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996 (далее: ПВЛ, 1996). С. 38. См. также: Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. I. М., 1997. Стб. 81; Т. II. М., 1998. Стб. 69.

5. «И живяху в мирѣ поляне, и деревляне, и сѣверь, и радимичи, вятичи и хрвате» (ПВЛ, 1996. С. 10; ПСРЛ. Т. I. Стб. 12; Т. II. Стб. 9).

6. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, пер., комм. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. Изд. 2-е. М., 1991. С. 370, примеч. 14.

7. *Добрянский А.И.* О западных границах Подкарпатской Руси, со времен св. Владимира // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССVIII. СПб., 1880, март. С. 134–159.

8. Там же. С. 134.

9. Подробнее о документе «Dagome iudex» и связанных с ним научных дискуссиях см.: *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., комм. Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1990. С. 24–26. Здесь приведено новейшее научное русскоязычное издание этого источника: С. 28 – текст и пер., с. 28–31 – комм.

10. *Maciejowski W.A.* Pierwotne dzieje Polski i Litwy zewnętrzne i wewnętrzne. Warszawa, 1846. S. 374.

11. *Добрянский А.И.* Указ. соч. С. 135.

12. Там же.

13. Там же. С. 135–139.

14. Там же. С. 138.

15. Там же. С. 139. Здесь даны ссылки на: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. I. 1842. С. 19, примеч. 77; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. I. 1857. С. 48.

16. Современный Эстергом – одна из средневековых венгерских столиц.

17. *Добрянский А.И.* Указ. соч. С. 139.

18. ПВЛ, 1996. С. 63. См. также: ПСРЛ. Т. I. Стб. 144; Т. II. Стб. 131.

19. *Добрянский А.И.* Указ. соч. С. 139.

20. *Поп Иван.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 25.

21. *Добрянский А.И.* Указ. соч. С. 141.

22. Там же. С. 139.
23. Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. II–III. Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 1991. С. 49–50.
24. Добрянский А.И. Указ. соч. С. 139–141.
25. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 95. На языке оригинала: «Iste Boleslaus filiam suam de Ruthena genitam Colomano regis Ungarorum filio matrimonialiter copulavit. Cui nomine dotis castellaniam de Spis quoad viveret possidendam assignavit» (Kronika Wilekopolska / Ed. B. Kürbis // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T. VIII. Warszawa, 1970. P. 39).
26. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях... С. 95–96. На языке оригинала: «Quem Colomanum una cum rege Ungarorum Halliciensibus in regem prefecerat ipsum coronari facientes. Cuius coronatione rex Boleslaus prout erat credulus per regem Ungarorum dolose circumventus castellaniam de Spiss [dedit] et loco eiusdem castellaniam Premisliensem dotalicii filie sue recepit. Nec autem dolositas fuit origo dissensionum inter Polonos et Ungaros prout in sequentibus patebit...» (Kronika Wielkopolska. P. 39).
27. Добрянский А.И. Указ. соч. С. 139–140.
28. Линниченко И.А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV в. Т. I (до конца XII в.). Киев, 1884. С. 37–38.
29. Его академическое издание см.: *P. magistri*, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Ed. A. Domanovszky // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit I. Szentpétery. Vol. I. Budapestini, 1937 [Repr. 1999]. P. 13–117.
30. Обзор мнений см.: *Kordé Z.* Anonymus // *Korai magyar történeti lexikon* (9–14. század). Főszerk. Kristó Gy. Budapest, 1994. 50–51. l.
31. «...egressi venerunt <...> usque ad silvam Zepus» (*P. magistri...* P. 73).
32. Добрянский А.И. Указ. соч. С. 144.
33. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Fejér. Budae, 1829–1844.
34. *Wagner C.* Analecta Scepusii sacri et profani. T. I–II. Viennae, 1773–1774; T. III–IV. Posonii–Cassoviae, 1778; *Bárdosy J.* Supplementum analectorum terrae Scepusiensis. I. Leutschoviae, 1802.
35. Codex diplomaticus Hungariae... T. VII. Vol. V. Budae, 1841. P. 143.
36. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 104.
37. Добрянский А.И. Указ. соч. С. 145.
38. Kristó Gy. Szepes(ség) // *Korai magyar történeti lexikon...* 637. l.
39. Добрянский А.И. Указ. соч. С. 155.
40. Там же. С. 157.
41. Татищев В.Н. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. IV. Российская история. Ч. II. М.–Л., 1964. С. 138.
42. Грот К. Я. Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173). Варшава, 1889. С. 20.

43. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. 2-е изд. Варшава, 1885. С. 285; Середонин С.М. Историческая география. Лекции. Пг., 1916. С. 186–187.

44. Грушевський М. Історія України–Руси. Т. I. Вид. 3-є. Київ, 1913. С. 556.

45. Петров А. Л. Об этнографической границе русского народа в Австро-Угрии, о сомнительной «венгерской» нации и о неделимости Угрии. Наброски. Пг., 1915.

46. О характере взаимоотношении подкарпатских русинов с венгерским союзом племен в X в. см.: Юрасов М.К. Место русинов в этно-политической структуре Венгрии в X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2011. С. 337–343.

Подписка 2013

На международный исторический журнал

Русьны

объявлена подписка в Республике Молдова

Журнал выходит четыре раза в год

**Подписаться на журнал можно в любом отделении связи
Республики Молдова**

**Отдельные номера журнала можно приобрести
в Общественной ассоциации «Русь»
(тел. для справок (+373 22) 28-75-59)**